

Научная статья
УДК 94(37):179
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.17>

Страх перед смертью и состязания в доблести в Поздней римской республике (I в до н.э.)

Алик Олегович Кудратов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
alik.kudratov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5221-7998>

Аннотация. Предметом данной статьи является конфликт между требованиями римской социокультурной практики соответствовать идеалам *virtus* (мужество) и индивидуальным страхом смерти, который, несмотря на бесконечно возвеличиваемые доблести, находит отражение в исторических свидетельствах. Историографическая традиция не предлагает рассмотрение данного вопроса на стыке политической технологии и антропологического подхода, делая акцент лишь на первом аспекте. В то же время, предложенная автором исследовательская оптика позволяет сделать ряд нетипичных для историографии выводов. Контекст гражданских войн Поздней республики позволяет рассмотреть, как данная культурная особенность преломлялась в политической культуре Рима, становясь, например, политической технологией. Для римлян представление о доблестной смерти являлось поводом восхищаться человеком, даже если он не отвечал требованиям этических норм. Более того, даже если такой человек был олицетворением всех возможных пороков, на основании его бесстрашия перед смертью он мог получить признание от римлян.

Ключевые слова: римские политические практики, римские добродетели, борьба римских элит, страх смерти римлян, римское понимание смерти, римская политическая культура, история Римской республики, римское понимание свободы, римское гражданское самосознание, насилие у римлян.

Для цитирования: Кудратов А.О. Страх перед смертью и состязания в доблести в Поздней римской республике (I в до н.э.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 109–113. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.17>.

Original article

Fear of death and contests of valor in the Late Roman Republic (I century BC)

Alik O. Kudratov

Kazan Federal University, Kazan, Russia,
alik.kudratov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5221-7998>

Abstract. The subject of this article is the conflict between the requirements of Roman socio-cultural practice to conform to the ideals of *virtus* (valor) and the individual fear of death, which, despite the infinitely magnified valor, is reflected in historical evidence. The historiographical tradition does not offer consideration of this issue at the nexus of political technology and anthropological approach, focusing only on the first aspect. At the same time, the research optics proposed by the author allows us to draw a number of conclusions atypical for historiography. The context of the civil wars of the Late Roman Republic allows us to consider the way this cultural feature was refracted in the political culture of Rome, becoming, for example, a political technology. Romans saw the idea of a valiant death as a reason to admire a person, even if the person did not meet the requirements of ethical norms. Moreover, even if such a person was the personification of all possible vices, based on his fearlessness before death, he could receive recognition from the Romans.

Keywords: Roman political practices, roman virtues, the struggle of the Roman elites, Roman fear of death, The Romans' idea of death, Roman political culture, history of the Roman Republic, Roman understanding of freedom, Roman civic consciousness, violence in ancient Rome.

For citation: Kudratov, A.O. (2022) Fear of death and contests of valor in the Late Roman Republic (I century BC). *Society: Philosophy, History, Culture*. (2), 109–113. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.2.17](https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.17) (In Russian).

Устав от ужасов гражданской войны, в которой погибло около половины населения (App.V.C.II.102) – как отдыхают римляне? «...Были даны представления боёв тысячи пехотинцев против такого же количества противников, двухсот всадников против других двухсот, бой смешанной пехоты против конницы, бой с участием двадцати слонов против других двадцати, морское сражение с 4 тысячами гребцов, в котором принимало участие по тысяче гребцов с каждой стороны» (App.V.C.II.102). Устав от смертей сограждан на поле сражений, они наслаждались смертью на арене.

В. Ниппель в главе, посвящённой политическому насилию, показывает, что единой системы правопорядка в Древнем Риме не существовало (даже в эпоху Империи вмешательство государства было ограниченным), и жители Рима могли рассчитывать лишь на себя, своих родственников и покровителей. Всё это также раскрывает контекст, в котором возникало насилие, лишней раз подтверждая тезис об обыденности насильственных действий в жизни римлян (Nippel, 1995: 47–70).

Примерно то же заключает историк Эндрю Линтотт, изучая отношения римлян к насилию, а также законы, касающиеся насилия (Lintott, 1999: 175–204). Он считает, что насилие всегда играло значительную роль в урегулировании частных споров, где оно было постепенно ритуализировано в судебный процесс, но в то же время оставалось в своей естественной форме внесудебной самопомощи.

Смерть окружала римлян повсюду, была обыденным явлением. Однако обыденность смерти в данном случае вовсе не означает, что в римской культуре не существовало никакого напряжения относительно этого явления. Смерть представляла собой проблему, как минимум, в трёх аспектах.

1. *Существовали представления о подобающей смерти.*

«И ты осмелился распять человека, называвшего себя римским гражданином?» (Cic. In Verrem. V. LXIII, 163). Указание на статус гражданина в представленной цитате не случайно. Дело в том, что для каждого из римлян в зависимости от статуса и социального положения существовали представления о «правильной» смерти. На этот счёт есть крайне интересный сюжет, касающийся противостояния мятежника Сертория и полководца, представляющего Республику, – Метелла: «В конце концов римские воины потеряли надежду на успех и, когда Серторий вызвал Метелла на единоборство, стали требовать и кричать, чтобы они сразились – полководец с полководцем и римлянин с римлянином <...>» (Plut. Sert. 13). В этом фрагменте подчеркнута равенство противников по своему положению, что делает их сражение справедливым. Поэтому можно понять солдат и причины, по которым «они издевались над Метеллом, когда тот ответил отказом» (Plut. Sert. 13) – вызов выглядел справедливым. Но одного равенства, как оказалось, мало: «но Метелл высмеял их требования, и был прав, ибо полководец, как говорил Феофраст, должен умирать смертью полководца, а не рядового» (Plut. Sert. 13). В данном фрагменте находится прямое указание на существование соотношения между статусом в общественной иерархии и соответствующей этому статусу «правильной» смерти. В историографии этому тезису уделила внимание Валери Хоуп, которая утверждает, что большая часть идеалов относительно смерти была ориентирована на мужчин, в особенности на элиту. Им вменялось в необходимость смотреть смерти в лицо при любых обстоятельствах, с мужеством солдата, спокойствием и решимостью (Hoepf, 2009: 64).

2. *Трагическое восприятие смерти*

Для римлян, прекрасно чувствовавших себя при зрелищах кровопролития, всё же были смерти, которые воспринимались остро, являлись собой травму и негативно оценивались. Примеров, прямо свидетельствующих в пользу данного тезиса, в тексте источников множество. Например, тот факт, что Цезарь устроил себе четыре триумфа за различные заслуги, но остерегся устроить таковой в честь победы над римлянами, причём в тексте источника указывается, что самим римлянам эпизоды гражданской войны «казались бы постыдными и зловещими» (App., BC., II. 101). То же касается и самоубийств римлян: «Народ, хотя и не без страха, всё же издавал стоны при изображении злополучия своих граждан, в особенности при виде Луция Сципиона, главнокомандующего, самого себя ранившего в живот и бросаемого в море, или Петрея, убивающего себя за обедом, или Катона, самого себя раздирающего, как зверь» (App., BC., II. 101).

Есть, например, ещё один случай перед боем, о котором сообщается следующее: «Большинство было преисполнено жалости, ибо никогда ещё до сих пор италийское войско в таком количестве не сталкивалось друг с другом, подвергаясь одной опасности, и, будучи избранными храбрецами обоих лагерей, они жалели друг друга, в особенности потому, что видели, что италийцы идут против италийцев...» (App., BC., II. 77).

То есть смерть, несмотря на обыденность явления, могла быть как источником удовольствия, так и причиной негативных впечатлений. В первую очередь, смерть оценивается негативно, воспринимается трагически, когда речь идёт о смерти римлян.

3. *Страх смерти*

Данный момент подмечал ещё Монтень, когда в одном из своих эссе писал: «Так как слог, обозначавший на языке римлян “смерть” (mors), слишком резал их слух, и в его звучании им слышалось нечто зловещее, они научились либо избегать его вовсе, либо заменять перифразами. Вместо того, чтобы сказать “он умер”, они говорили “он перестал жить” или “он отжил свое”

(vixerunt). Поскольку здесь упоминается жизнь, хотя бы и завершившаяся, это приносило им известное утешение»¹.

Источники показывают множество примеров, когда римляне теряли голову из-за страха. «Те самые люди, которые надеялись помериться с неприятелем на ровном и открытом месте, теперь были утрачены бегством своих и гибелью весьма немногих из них» (Ces. de Bell. Alex. 18).

Другой пример: «Итак, парфяне, расположившись поблизости, были преисполнены надежд. Для римлян же наступила ужасная ночь; никто не думал ни о погребении умерших, ни об уходе за ранеными и умирающими, но всякий оплакивал лишь самого себя» (Plut. Crass. 27). В биографии Сертория и вовсе боязнь смерти показана как характерная черта римских солдат в тот период времени: «...во время нового наступления этих варваров; собрались такие полчища их и столь грозными они казались, что в ту пору считалось великим подвигом, если римлянин оставался в строю и повиновался полководцу» (Plut. Sert. 3).

Крайне интересно, что страх перед смертью был осознаваем римлянами: «После этого сенат решил похоронить убитых на войне там, где они погибли, чтобы зрелище похорон в Риме не отвращало других от военной службы. Враги, узнав об этом распоряжении сената, вынесли со своей стороны такое же постановление» (Plut. Sert. 3). Смерть пугает римлян, и этот момент осознаётся властью. Влияние данного фактора настолько велико, что предпринимаются конкретные меры, чтобы нивелировать эффект, производимый вестями о гибели римлян. Более того, эта практика перенимается врагами, что исключает возможность случайного решения.

Для человека естественно бояться смерти и едва ли в этом отношении римлян есть в чём обвинить. Исследовательская проблема связана с тем, что гражданское общество требовало от своих граждан стремления к добродетели, а добродетель для римлян – синоним слова «мужество» (virtus). Как раз в этом моменте обнаруживается конфликт: конфликт между требованием общества и индивидуальными стремлениями раскрывает себя как напрямую в римских источниках, так и в реконструкциях римских представлений о чести. Историк Бартон, с которым сложно не согласиться, пишет: «Никакое изучение римских законов и институтов не может рассказать нам столько о том, как римляне осуществляли управление, сколько может рассказать изучение их механизмов позора и чести» (Barton, 2001: 19).

Можно также выделить крайне точную формулировку А.В. Махлаюка, который отмечает эвристический потенциал категории «ментальность» и связанных с ней подходов применительно к изучению римской армии (Махлаюк, 2005: 90). Исследователь видит в таком подходе выход на ряд социокультурных феноменов, которые, в свою очередь, помогают сделать представления о римской цивилизации более полными. Дополнением к этому может служить мнение британской исследовательницы Кэтрин Эдвардс. Она утверждает, что несмотря на милитаристский характер римского общества, римляне уделяли ограниченное внимание смерти именно на войне. Военская доблесть считалась исключительно мужским достоянием, в то время как смерть не была ограничена военной сферой (Edwards, 2007: 7). Так или иначе, отношение к смерти – на войне или вне её – могло быть аргументом в политической борьбе, где это отношение, наряду с другими характеристиками личности, влияло на социальную репутацию.

Политическую борьбу в качестве речевых практик, некоего диалога достаточно полно реконструирует историк Джой Коннолли. В его концепции сам «диалог подразумевает, что их речи создают рамки, в которых собственно и происходит “политика”, где может формироваться общественное мнение и разыгрываться соперничество элит» (Connolly, 2007: 50).

Соперничество элит – это соперничество в добродетели, и роль этого противостояния не исчерпывается агонистическим духом. Есть основания для точки зрения, согласно которой вся политическая борьба вращалась вокруг «соревнования в доблести». Источники не позволяют нам не согласиться с исследователем, который так описывает данную ситуацию: «Этос переносит соперничество элиты в сферу морали, тем самым превращая политические разногласия (находящие свое выражение в политических дискуссиях и судебных разбирательствах) в споры о морали» (Connolly, 2007: 58–59). Проще говоря, политическая культура рассматриваемого периода превращает борьбу внутри элиты в словесные состязания за добродетель, что неоднократно отмечалось в историографии: «язык политических дебатов был консервативным и нравственно ориентированным. Предполагалось, что политики должны вести себя определенным образом, соблюдать определенные обычаи и признавать авторитет своих коллег-сенаторов» (Alston, 2015: 60). В известной степени невозможность говорить о предмете исследования без привлечения плоскости «элитарного» связана с характером источников, с которыми мы имеем

¹ Монтень Мишель. Опыты [Электронный ресурс] // TheLib.Ru - бесплатная электронная библиотека. URL: https://thelib.ru/books/monten_mishel/opyty_tom_1-read-8.html (дата обращения 01.02.2022).

дело. Позицию, предполагающую некоторое преодоление этого подхода предлагает В.В. Дементьева, которая утверждает, что «наличие выраженной элиты приводило к большей “элитарности” моральных норм (но не в смысле узости круга их носителей, а в смысле их “рафинированности”, аристократичности, возвышенности самих норм)» (Дементьева, 2009: 212).

Объясняя то, каким образом работали риторические практики, Дж. Коннолли пишет следующее: «...оратор укреплял свой авторитет, предлагал зрителям удовольствия морального согласия, удовольствия, которые делали возможным празднование народной свободы» (Connolly, 2007: 48). Каким образом это могло происходить, на историческом материале описывает историк Х. Мауритсен: «Цезарь пошел против установленного порядка не только для защиты собственного *dignitas*, но и для защиты *libertas* народа. В конце концов, он был убит недоброжелательными сенаторами, которые также действовали во имя *libertas*» (Mouritsen, 2001: 9).

Как в историографии, так и в сведениях источников констатируется важность добродетелей, проявляющаяся в постоянном их использовании в рамках общественно-политических практик. Добродетели могли рассматриваться как один из вариантов социального капитала: «Последующие поколения правителей восполняли в добродетели или, по крайней мере, притязаниях на нее то, что они теряли в силе. Эллинистические цари отвечали за счастье миллионов людей, также как римские аристократы и полководцы, взявшие на себя практически полную ответственность в этом вопросе» (Mattingly, 1937: 110).

Римляне преклонялись перед мужеством и перед людьми, презревшими смерть. Презрение к смерти, например, являлось качеством, в соответствии с которым судили о человеке в целом, о возможности доверять ему: «Вслед за тем, исподволь испытывая знакомых, которым они доверяли, заговорщики начали открывать им свой замысел и склонять их на свою сторону, выбирая сообщников не просто среди близких приятелей, но лишь среди тех, что были известны за людей храбрых и презирающих смерть» (Plut.Brut. 12).

Римляне высоко ставили мужество, но компенсаторный характер такого преклонения, а также несоответствие самих римлян этому идеалу видны невооруженным взглядом.

То есть, с одной стороны, существуют общезначимые представления о храбрости и мужестве, которые воплощаются в виде добродетелей и являются этическим ориентиром, а, с другой стороны, есть индивидуальный страх человека за свою жизнь, страх смерти, который был непреодолимым и носил аффективный характер.

Аффективную и неконтролируемую природу страха римлян перед смертью можно продемонстрировать следующим соображением. В одном из сражений Цезарь терпел поражение и пытался спасти положение. Однако свежими силами, которые он повёл в бой, овладел непреодолимый страх: «они не смогли ни остановиться, будучи у самих ворот, ни войти в них в боевом порядке, ни подчиниться приказам, но каждый бежал, где кому случилось быть, без оглядки, не внемля никаким приказам, лишившись стыда и разума» (App., BC., II. 61).

Подтверждение аффективного характера страха смерти усматривается в том, что на смену бегству пришло раскаяние и готовность отдать свою жизнь за полководца. После случившегося воины испытывали стыд от перенесённого позора, а Цезарь в этой ситуации проявил мягкость, даровал прощение. Но воины сами потребовали для себя наказания. Причём стыд их был настолько силён, что, когда Цезарь казнил лишь немногих, солдаты, чувствуя воодушевление, потребовали, чтобы их повели на врага (App., BC., II. 63).

Таким образом, для римлян их собственная культура являлась проводником постоянного давления и насилия, требуя быть мужественными и бесстрашными, ибо это было необходимо обществу ради его блага и выживания (Кнабе, 1981: 24). Но страх смерти как сейчас, так и в древности – слишком сильный фактор, чтобы свести его на нет культивированием и восхвалением мужества.

Именно поэтому для римлян представление о доблестной смерти являлось поводом восхищаться человеком, даже если он не отвечал требованиям этических норм. Более того, даже если такой человек был олицетворением всех возможных пороков, на основании его бесстрашия перед смертью он мог получить признание от римлян.

Самый яркий пример для подтверждения данного тезиса – смерть Луция Сергия Катилины. Его пример показывает, что можно быть полной противоположностью идеальному гражданину, но встретив смерть достойно, заслужить одобрение. Катилина – человек, решивший устроить заговор против государства в своекорыстных целях. Такое поведение с точки зрения римлян являлось худшим из возможных. Катилина изображается воплощением всех пороков, но при этом античные авторы в полной солидарности признают достоинство его смерти (Plut. Cic. 10; Vell.Pat. II. XXXV).

Получается, что каким бы преступлением ни запятнал себя человек, показав отсутствие страха перед смертью, он мог заслужить некоторое признание.

Если посмотреть на источники критически и объединить всё вышесказанное, мы увидим, что в сущности преклонение перед мужеством и презрение к смерти есть не что иное как выход

из западни страха, преодоление страха смерти. Именно поэтому римляне, добровольно принявшие смерть, часто воспринимались положительно. В таком случае преклонение перед мужеством – это выражение не только социальной добродетели, но и внутреннего, глубинного желания избавиться от страха смерти.

Список источников:

- Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998. 726 с.
Веллей Патеркул. Римская история // Малые римские историки: Веллей Патеркул. Римская история; Анней Флор. Две книги Римских войн; Луций Ампейлий. Памятная книжка: пер. с лат. / Изд. подг. А. Немировским. М., 1996. С. 11–99.
Дементьева В.В. Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива // Античный мир и археология. 2009. Вып. 13. С. 203–213.
Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и комм. акад. М.М. Покровского. М., 1948. 559 с.
Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981. 208 с.
Махлаюк А.В. Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 83–113.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. / Изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. М., 1994. 697 с.
Цицерон. Речи. В 2 томах. Т.1. / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1962. 441 с.
Alston R. Rome's Revolution: Death of the Republic and Birth of the Empire. New York, 2015. 385 p.
Barton C. Roman honor: the fire in the bones. London, 2001. 326 p.
Connolly J. The State of Speech. Rhetoric and political thought in ancient Rome. Princeton, 2007. 304 p.
Edwards C. Death in Ancient Rome. London, 2007. 287 p.
Gaughan J. Murder was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. Austin, 2010. XVIII. 224 p.
Hope V.M. Roman Death: The Dying and the Dead in Ancient Rome. London, 2009. 256 p.
Kyle D. Spectacles of Death in Ancient Rome. New York, 1998. 287 p.
Lintott A. Violence in Republican Rome. Oxford, 1999. 272 p.
Mattingly H. The Roman "virtues" // Harvard Theological Review. 1937. Vol. 30. No 2. P. 103–117. <https://doi.org/10.1017/S0017816000022173>.
Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge, 2001. 164 p.
Nippel W. Public Order in Ancient Rome. Cambridge, 1995. 176 p.

References:

- Alston, R. (2015) Rome's Revolution: Death of the Republic and Birth of the Empire. New York.
Appian of Alexandria (1998) Rimskaya istoriya [Roman history]. Moscow: Nauka. (In Russian)
Barton, C. (2001) Roman honor: the fire in the bones. London.
Cicero (1962). Rechi. [Speeches]. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russian)
Connolly, J. (2007) The State of Speech. Rhetoric and political thought in ancient Rome. Princeton.
Dementieva, V.V. (2009) Rimskaya identichnost: formirovanie traditsii grazhdanskogo kolektiva [Roman Identity: Shaping the Traditions of the Civic Collective]. *Ancient world and archaeology*. (13). 203–213. (In Russian)
Edwards, C. (2007) Death in Ancient Rome. London.
Gaughan, J. (2010) Murder was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. Austin.
Hope, V.M. (2009) Roman Death: The Dying and the Dead in Ancient Rome. London.
Knabe, G.S. (1981) Kornelii Tatsit. Vremya. Zhizn. Knigi [Cornelius Tacitus. Time. Life. Books]. Moscow. (In Russian)
Kyle, D. (1998) Spectacles of Death in Ancient Rome. New York.
Lintott, A. (1999) Violence in Republican Rome. Oxford.
Makhlayuk, A.V. (2005) Idei i podkhody istoricheskoi antropologii v izuchenii rimskoi armii [Ideas and approaches to the application of anthropology in relation to the Roman army]. In: Drevnee Sredizemnomore: religiya, obshchestvo, kultura [Ancient Mediterranean: religion, society, culture]. Moscow. P. 83–113. (In Russian)
Mattingly, H. (1937) The Roman "virtues". *Harvard Theological Review*. (30:2). 103–117. Available from: <https://doi.org/10.1017/S0017816000022173>.
Mouritsen, H. (2001) Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge.
Nippel, W. (1995) Public Order in Ancient Rome. Cambridge.
Plutarch (1994) Parallel Lives. Vol. 2. Moscow: Nauka. (In Russian)
Pokrovskiy, M.M. (ed.) (1948) Zapiski Yuliyi Tsezarya i ego prodolzhateli o Gallskoi voine, o Grazhdanskoi voine, ob Aleksandriiskoi voine, ob Afrikanskoi voine [Notes by Julius Caesar and his successors on the Gallic War, the Civil War, the Alexandrian War, the African War]. Moscow: «Nauka». (In Russian)
Velleius Paterculus, M. (1996) Rimskaya istoriya [Roman history]. In: Nemirovskiy, A. (ed.) Malye rimskie istoriki [Minor Roman Historians]. Moscow: Ladomir. P. 11–99. (In Russian)

Информация об авторе

А.О. Кудратов – ассистент кафедры археологии и всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1115834.

Information about the author

A.O. Kudratov – Assistant Professor, Archeology and World History Department, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1115834.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.01.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 08.02.2022.